

К вопросу о понятии энергетического права и его месте в системе отечественного права: теоретико-правовой аспект

В. Г. Беспалько

доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры философии, политологии, социологии им. Г. С. Арефьевой
«НИУ «МЭИ»;

профессор департамента теории права и сравнительного правоведения
«НИУ «Высшая школа экономики».

Адрес: ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
111250, Москва, Красноказарменная ул., д. 14;

ФГАОУ ВО «Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, Москва, ул. Мясницкая, д. 20.

E-mail: viktor_bespalko@mail.ru

On the Concept of Energy Law and Its Place in the System of Domestic Law: Theoretical and Legal Aspects

V. G. Bepalko

Doctor in Law, Associate Professor,
Professor of the Department of Philosophy, Political Science, Sociology named after G. S. Arefieva
of the National Research University «Moscow Power Engineering Institute»;

Professor of the Department of Legal Theory and Comparative Law
of the National Research University «Higher School of Economics».

Address: National Research University «Moscow Power Engineering Institute»,
14 Krasnokazarmennaya Street, Moscow, 111250, Russian Federation;

National Research University «Higher School of Economics»,
10 Myasnitskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation.

E-mail: viktor_bespalko@mail.ru

Поступила 10.02.2026 Принята к печати 01.03.2026

Аннотация

Настоящая статья посвящена изучению одной из нерешенных современных проблем динамично развивающегося российского энергетического права – это проблема определения его сущности и места (значения) в системе отечественного права. Для разрешения этой проблемы автор статьи изучил и обобщил позиции ученых-правоведов по данному вопросу, высказанные ими на страницах опубликованной в последние годы учебной и научной юридической литературы. Обнаружив и отметив признаки субъективизма в оценках состояния и роли современного энергетического права, автор предлагает взять за основу формально-юридический метод и определить место энергетического права в системе российского права на основе конкретных положений действующего российского энергетического законодательства в их взаимосвязи с нормами иных источников права. По результатам выполненного исследования автор приходит к выводу, что энергетическое право России в современных условиях является межотраслевым правовым институтом, и приводит аргументы в пользу такого вывода.

Ключевые слова: законодательство об электроэнергетике, законодательство об угольной промышленности, законодательство о газоснабжении, институт права, источники энергетического права, отрасль права, правовой институт, предмет энергетического права, российское энергетическое право, система права, система законодательства, энергетическое законодательство, энергетическое право.

Abstract

This article is devoted to the study of one of the unresolved contemporary problems of the dynamically developing Russian energy law – the problem of defining its essence and place (significance) in the system of domestic law. To resolve this problem, the author of the article has studied and summarized the positions of legal scholars on this issue, which they have expressed in the educational and scientific legal literature published

in recent years. Having discovered and noted the signs of subjectivism in the studied assessments of the state and role of modern energy law, the author proposes to use the formal-legal method as a basis and to determine the place of energy law in the system of Russian law based on the specific provisions of the current Russian energy legislation in their relationship with the norms of other sources of law. Based on the results of the study, the author concludes that energy law in Russia is currently an interdisciplinary legal institution, and provides arguments in support of this conclusion.

Keywords: legislation on electric power industry, legislation on coal industry, legislation on gas supply, legal institute, sources of energy law, branch of law, legal institute, subject of energy law, Russian energy law, legal system, system of legislation, energy legislation, energy law.

Термин «энергетическое право» в течение нескольких последних десятилетий постепенно, но прочно утвердился в юридической науке и практике в качестве обобщенного названия огромного и сложного массива юридических норм и их источников, выделяемых преимущественно по предмету своего правового регулирования – специфическому комплексу исключительно значимых общественных отношений в области энергетики. В силу объективной необходимости энергетическое право стало изучаться в качестве самостоятельной юридической дисциплины как в юридических (например, МГЮА и др.), так и в технических (например, НИУ «МЭИ» и др.) вузах страны. Актуальные вопросы становления энергетического права и перспектив его развития заслуженно завладели вниманием представителей различных научных юридических школ, регулярно обсуждаются на страницах юридической печати и на научных форумах правоведов (см., например, [5]).

Такое внимание ученых-правоведов к проблемам энергетического права и наблюдаемая динамика его развития, вне всякого сомнения, обусловлены чрезвычайной значимостью энергетического сектора для функционирования как отечественной, так и в целом мировой экономики. Не зря энергетику в нашей стране любят образно сравнивать с кровеносной системой организма. Ожидаемо и предсказуемо, что по мере дальнейшего поступательного развития человечества и связанного с этим ростом энергопотребления значение энергетического права в жизни общества также будет возрастать. Естественно, что право, будучи важнейшим инструментом упорядочивания общественной жизни и имея огромный регулятивный и охранительный потенциал, в сложившейся ситуации не может себе позволить и не должно оставаться в стороне от таких социально значимых проблем, как обеспечение надежности и доступности энергоснабжения, защита энергетиче-

ской безопасности, повышение энергосбережения и энергоэффективности, гармонизация интересов производителей и потребителей различных видов энергии и многих других актуальных вопросов развития топливно-энергетического комплекса нашей страны и всего мира, а также иных смежных с энергетикой секторов экономики.

Однако, как это ни странно на фоне сказанного выше, одним из самых проблемных вопросов в доктрине отечественного энергетического права с момента его зарождения и по сей день был и остается именно первоначальный вопрос – что такое энергетическое право? А уже в зависимости от ответа на него, от верно сформулированной дефиниции зависит решение второй задачи теоретико-правового плана – определения места энергетического права в системе российского права и законодательства. Вопрос о сути понятия энергетического права и вопрос о его месте в системе национального права оказались связанными друг с другом и сложными для разрешения по ряду объективных причин, среди которых, как минимум, можно выделить следующие:

- сложность предмета правового регулирования (великое разнообразие как имущественных, так и организационных, как публично-правовых, так и частноправовых, а также других категорий правоотношений в области энергетики);

- отсутствие единого специфического метода правового регулирования (одни нормы энергетического права носят характер дозволений и опираются на диспозитивный метод, а другие – на императивный метод правового регулирования, изобилуя жесткими предписаниями);

- огромное количество законов и подзаконных нормативных правовых актов, содержащих нормы энергетического права, и сложный характер горизонтальных и вертикальных связей между ними.

А, как известно, именно предмет и метод правового регулирования, а также особенности системы источников норм права получили в юриди-

ческой доктрине значение своеобразных индикаторов статуса того или иного устойчивого комплекса взаимосвязанных юридических норм в исторически сложившейся системе национального права. В зависимости от их содержания и соотношения объединение юридических норм именуется правоведом отраслью или подотраслью права либо обретает значение правового института (как отраслевого, так и межотраслевого).

При этом вопрос верного и точного определения содержания понятия энергетического права важен не только с позиций юридической науки – теории права – для верного определения его места в системе отечественного права. От ответа на этот вопрос в прямой зависимости находятся многие прикладные аспекты правоприменения, включая грамотное и единообразное толкование норм энергетического права и соблюдение законности в процессе их реализации. Так, например, в случае признания энергетического права самостоятельной отраслью права граждане, организации и другие правоприменители освобождаются от обязанности при толковании и применении его норм руководствоваться нормами-принципами других отраслей права (административного, гражданского, трудового и т. д.). Тогда как понижение статуса энергетического права до уровня правового института означает подчиненность его норм общим правилам (например, тем же нормам-принципам) одной или нескольких отраслей права, частью или частями которых является данный правовой институт.

Определение статуса энергетического права то ли как отрасли права, то ли как правового института – это и есть дилемма, часто наблюдаемая на страницах современной учебной и научной юридической литературы и имеющая прямое отношение к вопросу понятия энергетического права. Так, например, Л. А. Букалерева и ее соавторы относят энергетическое право к числу комплексных отраслей ввиду характерного для него сочетания частноправовых и публично-правовых начал, но при этом одновременно указывают на межотраслевой характер энергетического права [1. – С. 121–122].

Как комплексную отрасль российского права охарактеризовал энергетическое право и В. В. Каболов, указавший, что оно представляет собой «комплекс правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в процессе хозяйственной, инвестиционной и регулятивной деятельности субъектов частного и публичного права, связанной с разведкой, добычей, производством,

переработкой, хранением, транспортировкой, распределением, торговлей и потреблением энергетических ресурсов»¹.

По мнению В. В. Романовой, «энергетическое право может быть определено как совокупность правовых норм, регулирующих общественные отношения (как частноправовые, так и публично-правовые), возникающие в связи с поиском, добычей энергоресурсов, производством, переработкой, поставкой, хранением, транспортировкой различных видов энергетических ресурсов, проектированием, строительством энергетических объектов, обеспечением энергетической безопасности»². При этом автор признаёт, что «специфика регулируемых отношений в сфере энергетики обуславливает правомерность высказанных в правовой литературе выводов о комплексном характере энергетического законодательства»³.

Об упомянутом выше комплексном характере энергетического права многократно и убедительно высказывался и О. А. Городов, по мнению которого, энергетическое право – это «система правовых норм, регулирующих на комплексной основе дозволений, запретов и обязываний область общественных отношений, складывающихся в связи с производством, преобразованием, передачей, продажей, использованием различных видов энергетических ресурсов, их сбережением, а также обеспечением энергетической безопасности»⁴. Наряду с этим цитируемый ученый категорично утверждает, что «энергетическое право занимает самостоятельное место в системе российского права в качестве комплексной отрасли, его нормы регулируют специфические группы отношений в сфере энергетики, составляющие обособленный, но тесно взаимосвязанный с иными отраслями права предмет регулирования»⁵.

И такого рода подход к определению понятия и значения энергетического права, основанный на признании его одновременно и самостоятельной (обособленной), и комплексной отраслью современного российского права, имеет множество сторонников среди представителей юридического

¹ Каболов В. В. Энергетическое право : учеб. пособие. – Владикавказ : СКГМИ, 2017. – С. 4.

² Энергетическое право. Общая часть. Особенная часть : учебник / под ред. В. В. Романовой. – М. : Изд-во «Юрист», 2014. – С. 24.

³ Там же.

⁴ . Городов О. А. Введение в энергетическое право : учебник. – М. : Проспект, 2021. С. 13–14.

⁵ Там же. – С. 22.

сообщества. Но вместе с тем объективности ради нельзя не заметить, что «комплексная отрасль права» (т. е. по сути своей «межотраслевая отрасль права») – это термин, вызывающий определенные сомнения в своей состоятельности, включая логическую несогласованность со свойством самостоятельности как характеристики отрасли права (в отличие, например, от термина «межотраслевой правовой институт»), употребление которого таких сомнений не вызывает).

Поэтому неслучайно можно встретить и такие труды по различным аспектам энергетического права и законодательства, в которых авторы, обращаясь к обозначенной проблеме, описывают ее состояние, признают очевидность комплексного характера энергетического права, но одновременно заявляют, что они не ставят своей целью «занять принципиальную позицию относительно наличия или отсутствия энергетического права как отрасли права, науки или учебной дисциплины»¹. С другой стороны, следует признать, что принципиальные противники наделения энергетического права статусом отрасли права среди российских правоведов тоже имеются.

Так, например, А. П. Вершинин придерживается совершенно иной точки зрения, обращаясь к исследованию вопроса о понятии энергетического права, и полагает, что энергетическое право следует рассматривать в качестве института публичного либо частного права. И в конечном итоге после цепочки логических рассуждений автор делает вывод о том, что энергетическое право – это все-таки институт особенной части экономического публичного права, так как основное его содержание составляют административно-правовые нормы, а частноправовые нормы, регулирующие экономическую деятельность в сфере энергетики, являются вспомогательными [2. – С. 18].

При этом В. Ф. Попандопуло, напротив, уверен в частноправовом характере энергетического права. Ученый стоит на принципиальной позиции, что «энергетическое право – это всего лишь один из институтов гражданского права, представляющий собой совокупность общих и специальных норм гражданского права, регулирующих имущественные и связанные с ними личные неимущественные отношения между лицами, осуществляющими деятельность в сфере энергетики, или с их участием (т. е. энергетические отношения), основан-

ные на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности их участников»².

К числу противников признания энергетического права самостоятельной отраслью относит себя и С. С. Селиверстов, который, с одной стороны, признаёт, что оно «носит полисистемный характер» [4. – С. 279] и что его можно определить именно как «комплекс правовых норм, регулирующих общественные отношения, складывающиеся в процессе хозяйственной, инвестиционной и регулятивной деятельности субъектов частного и публичного права, связанной с разведкой, добычей, производством, переработкой, хранением, транспортировкой, распределением, торговлей и потреблением энергетических ресурсов» [4. – С. 280]. С другой стороны, цитируемый автор самым категорическим образом утверждает, что именно в силу обозначенной выше полисистемности «не представляется обоснованной характеристика энергетического права как отдельной отрасли права» [4. – С. 279].

Представляется, что преодоление обозначенной выше дилеммы вряд ли объективно возможно без четкого уяснения понятий и соотношения таких юридических терминов, как правовой институт и отрасль права. Институт права (или правовой институт) определяется в современной теории права и государства как «основной элемент системы права, представляющий собой обособленный комплекс правовых норм, являющихся специфической частью отрасли права и регулирующих разновидность определенного вида общественных отношений»³. При этом в зависимости от отраслевой принадлежности правовые институты подразделяются на отраслевые, являющиеся частью одной отрасли права, и межотраслевые, т. е. комплексные, включающие в себя нормы двух и более отраслей права.

Отметим, что в отечественной юриспруденции отрасль права традиционно предстает как крупнейший элемент системы российского права и описывается как «относительно самостоятельное подразделение системы права, состоящее из правовых норм, объединенных во взаимосвязанные институты права, регулирующих качественно однородную и относительно самостоя-

¹ Энергетическое право : учебник / под ред. Р. А. Курбанова, К. И. Налетова. – М. : Проспект, 2023. – С. 6.

² Энергетическое право : учебник / под ред. В. Ф. Попандопуло, К. С. Семенович. – М. : Проспект, 2024. – С. 17–18.

³ Теория государства и права : учебник / под ред. В. Н. Жукова, Е. А. Фроловой. – М. : Проспект, 2024. – С. 315.

тельную область общественных отношений (род общественных отношений)»¹.

Таким образом, исходя из приведенных выше дефиниций отрасли права и института права можно говорить об очевидном для всех явлении, характеризующем свойство системности современного российского права²: правовой институт соотносится с отраслью права как часть с целым, выступает структурным элементом одной или нескольких отраслей права, при этом оба элемента системы права (и отрасль права, и институт права) представляют собой или образуют разные уровни интеграции юридических норм. Определение же этого уровня объединения юридических норм преимущественно зависит от оценок предмета их правового регулирования: если он представляет собой обособленный род общественных отношений, то регулирующие их нормы объединены в отрасль, если самостоятельный вид (внутри рода) – в правовой институт.

Однако в оценке тех или иных общественных отношений (например, правоотношений в области энергетики) наблюдается слишком много относительного, субъективного и т. п. Не случайно многие авторы очень схожим образом описывают предмет энергетического права, однако по результатам таких описаний дают ему взаимоисключающие оценки. Например, если мы присмотримся к процитированным выше определениям энергетического права, сформулированным В. В. Каболовым³ и С. С. Селиверстовым [4. – С. 280], то увидим, что оба автора тождественным образом, слово в слово описывают предмет его правового регулирования. Однако обозначенное совпадение в видении предмета энергетического права не помешало указанным правоведам разделиться во мнении относительно его значения. В. В. Каболов, как было показано ранее, относит энергетическое право к комплексным отраслям российского права, тогда как С. С. Селиверстов с таким подходом категорически не соглашается.

В свете сказанного представляется, что для формирования объективного и справедливого суждения относительно места энергетического права в сложившейся системе права Российской Федерации следует все-таки руководствоваться не столько пусть и авторитетными, но, тем не менее, субъективными мнениями уважаемых специалистов в области энергетического законодательства относительно значимости его предмета для современного общества, сколько сложившимся *de facto* и зафиксированным *de jure* построением характера отношений между нормами энергетического законодательства (которое очевидно и бесспорно носит комплексный характер) и нормами иного законодательства. То есть предлагается взять за основу формально-юридический подход и, опираясь на содержание действующих юридических норм, получить ответы на волнующие нас вопросы о понятии «энергетическое право» и реальном месте этого явления в системе отечественного права.

Отдельные вопросы правового регулирования в области энергетики нашли свое отражение даже в тексте основного закона нашего государства – Конституции Российской Федерации. В частности, в пункте «и» статьи 71 Конституции России установлено, что «федеральные энергетические системы, ядерная энергетика» находятся в ведении Российской Федерации. Но данная конституционная норма не дает ответа на вопрос о том, каким именно образом в Российской Федерации должно осуществляться правовое и иное государственное регулирование отношений в области энергетики. Поэтому необходимо обратиться к нормам федеральных законов, непосредственно выполняющим данную функцию.

Одним из центральных источников энергетического права России является Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» (далее – Федеральный закон об электроэнергетике). В статье 1 данного закона говорится, что он «устанавливает правовые основы экономических отношений в сфере электроэнергетики, определяет полномочия органов государственной власти на регулирование этих отношений, основные права и обязанности субъектов электроэнергетики при осуществлении деятельности в сфере электроэнергетики (в том числе производства в режиме комбинированной выработки электрической и тепловой энергии) и потребителей электрической энергии». Как видим, предмет правового регулирования данного источника энергетического

¹ Теория государства и права : учебник / под ред. В. Н. Жукова, Е. А. Фроловой. – С. 313.

² См.: Алексеев С. С. Общая теория права: в 2 т. – Т. 1. – М. : Юрид. лит., 1981. – С. 238–244; Беспалько В. Г. Проблемы теории государства и права. Юнита 1 : учеб. пособие. – М. : Современный гуманитарный университет, 2002. – С. 39; Теория государства и права : учебник / под ред. В. Н. Жукова, Е. А. Фроловой. – М. : Проспект, 2024. – С. 312–313 и др.

³ Каболов В. В. Энергетическое право : учеб. пособие. – Владикавказ : СКГМИ, 2017. – С. 9.

права включает в себя как частноправовые отношения (экономическая деятельность в области электроэнергетики), так и публично-правовые отношения (полномочия органов государственной власти в сфере регулирования этих отношений). Такой дуализм не позволяет однозначно определиться с тем, являются ли обозначенные области правового регулирования предметом исключительно энергетического права или относятся к ведению какого-либо иного сегмента законодательства.

Но обращение к статье 2 Федерального закона об электроэнергетике, называемой «Законодательство Российской Федерации об электроэнергетике», позволяет прояснить эту ситуацию. В частности, пункт 1 статьи 2 Федерального закона об электроэнергетике гласит: «Законодательство Российской Федерации об электроэнергетике основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из Гражданского кодекса Российской Федерации, настоящего Федерального закона и иных регулирующих отношения в сфере электроэнергетики федеральных законов, а также указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации и иных нормативных правовых актов Российской Федерации, принимаемых в соответствии с указанными федеральными законами». В контексте исследуемой проблематики важно подчеркнуть, что российские законодатели в процитированной норме о системе источников энергетического права на первое место среди федеральных законов поставили именно Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ), на второе место – собственно Федеральный закон об электроэнергетике, на третье – остальные федеральные законы, регулирующие отношения в сфере электроэнергетики, а далее – подзаконные нормативные правовые акты.

С одной стороны, такое соотношение норм ГК РФ и Федерального закона об электроэнергетике, зафиксированное *de jure*, указывает на верховенство первого над вторым, официальное закрепление за ГК РФ статуса источника энергетического права и включение норм законодательства об электроэнергетике в систему гражданского права (по крайней мере в части вещных, корпоративных, обязательственных и иных имущественных и связанных с ними личных неимущественных отношений субъектов электроэнергетики, если ориентироваться на предмет гражданско-правового регулирования, предусмотренный п. 1 ст. 2 ГК РФ). Такое решение российских законодателей о соот-

ношении норм энергетического и гражданского законодательства не случайно и имеет свое не только формально-юридическое объяснение, но и рациональное обоснование, связанное со здравым юридическим смыслом.

Во-первых, субъекты электроэнергетики – «лица, осуществляющие деятельность в сфере электроэнергетики, в том числе производство электрической, тепловой энергии и мощности, приобретение и продажу электрической энергии и мощности, энергоснабжение потребителей, оказание услуг по передаче электрической энергии, оперативно-диспетчерскому управлению в электроэнергетике, управлению изменением режима потребления электрической энергии, сбыт электрической энергии (мощности), организацию купли-продажи электрической энергии и мощности» (п/п. 4 ст. 3 Федерального закона об электроэнергетике) являются участниками гражданского оборота, субъектами права собственности и других вещных прав, состоят в договорных отношениях как друг с другом, так и с потребителями электроэнергии и т. д., что со всей очевидностью указывает на необходимость признания их субъектами гражданско-правовых отношений и, как следствие, на объективную необходимость подчинения энергетических правоотношений в данной части общим нормам гражданского права о физических и юридических лицах как субъектах гражданских правоотношений, об объектах гражданских прав, о праве собственности и иных вещных правах, о корпоративных правах и обязанностях, о сделках и обязательствах, об интеллектуальных правах и др.;

Во-вторых, помимо общих норм гражданского права, в ГК РФ содержатся и специальные нормы, непосредственно посвященные прямому правовому регулированию в области энергетики. Речь идет о положениях § 6 «Энергоснабжение» главы 30 «Купля-продажа», состоящего из статей 539–548 ГК РФ. Указанные нормы определяют понятие и существенные условия договора энергоснабжения, порядок его заключения, продления, изменения и расторжения, а также права, обязанности и ответственность сторон и др. При этом в пункте 3 статьи 539 ГК РФ установлено, что к отношениям по договору энергоснабжения, не урегулированным ГК РФ, «применяются законы и иные правовые акты об энергоснабжении, а также обязательные правила, принятые в соответствии с ними». А пункт 4 статьи 539 ГК РФ, в свою очередь, гласит, что к отношениям по договору снабжения электрической энергией правила § 6 главы

30 ГК РФ применяются, «если законом или иными правовыми актами не установлено иное». Такое решение вопроса о соотношении специальных норм ГК РФ об энергоснабжении и норм иных источников энергетического законодательства позволяет говорить о том, что и в данном частном случае ГК РФ выступает в роли общих норм, а иные федеральные законы об энергетике и принятые во их исполнение подзаконные нормативные правовые акты – в роли специальных норм, уточняющих и дополняющих соответствующие общие нормы гражданского права.

С другой стороны, если мы обратимся к пункту 3 статьи 2 ГК РФ о предмете гражданско-правового регулирования, то обнаружим там справедливое уточнение: «К имущественным отношениям, основанным на административном или ином властном подчинении одной стороны другой, в том числе к налоговым и другим финансовым и административным отношениям, гражданское законодательство не применяется, если иное не предусмотрено законодательством». По смыслу же статьи 1 Федерального закона об электроэнергетике такие отношения (например, «полномочия органов государственной власти») тоже входят в предмет энергетического права наряду с определением основных прав и обязанностей субъектов электроэнергетики при осуществлении деятельности в сфере электроэнергетики и потребителей электрической энергии. Такие отношения в области государственного управления электроэнергетикой однозначно по смыслу пункта 3 статьи 2 ГК РФ не относятся к предмету гражданского права, но традиционно включаются в предмет другой отрасли – административного права. Специалистами в области одноименной юридической науки государственное управление в качестве предмета административного права определяется как «один из видов государственной деятельности, являющейся организующей, юридически властной и подзаконной, осуществляемой органами исполнительной власти и иными государственными органами и состоящей в практическом исполнении его субъектами норм законодательства путем реализации своих полномочий»¹. Таким образом, «к предмету регулирования административного права как отрасли российского права прежде всего относятся общественные отноше-

ния, складывающиеся в сфере государственного управления, т. е. в сфере организации и функционирования исполнительной власти (управленческие отношения)»² (в нашем случае – отношения в сфере государственного управления в области электроэнергетики). Кроме того, к нормам административного права, выполняющим уже не регулятивную, а охранительную функцию в области электроэнергетики, можно уверенно отнести многие статьи Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), например, о следующих нарушениях порядка управления в области электроэнергетики:

- самовольное подключение и использование электрической энергии (ст. 7.19 КоАП РФ);
- повреждение электрических сетей (ст. 9.7 КоАП РФ);
- нарушение правил охраны электрических сетей напряжением свыше 1000 вольт (ст. 9.8 КоАП РФ);
- нарушение стандартов раскрытия информации субъектами оптового рынка электрической энергии и мощности, розничных рынков электрической энергии (ст. 9.15 КоАП РФ);
- нарушение порядка вывода объектов электроэнергетики в ремонт (ст. 9.18 КоАП РФ);
- нарушение порядка полного и (или) частичного ограничения режима потребления электрической энергии (ст. 9.22 КоАП РФ);
- манипулирование ценами на оптовом и (или) розничных рынках электрической энергии (мощности) (ст. 14.31.2 КоАП РФ);
- нарушение установленного порядка предоставления обеспечения исполнения обязательств по оплате электрической энергии (мощности), сопряженное с неисполнением (ненадлежащим исполнением) обязательств по их оплате (ст. 14.61 КоАП РФ) и др.

При этом в пункте 1 статьи 1.1 КоАП РФ императивно установлено, что «законодательство об административных правонарушениях состоит из настоящего Кодекса и принимаемых в соответствии с ним законов субъектов Российской Федерации об административных правонарушениях», что не допускает возможности установления оснований и мер административной ответственности другими федеральными законами (например, Федеральным законом об электроэнергетике или иными законами об энергетике), но не препятству-

¹ Административное право Российской Федерации : учебник для бакалавров / отв. ред. Л. Л. Попов. – М. : РГ-Пресс, 2015. – С. 15.

² Там же. – С. 19.

ет включению как перечисленных, так и некоторых иных общих и специальных норм КоАП РФ в систему (комплекс норм) энергетического права. Неслучайно глава 9 КоАП РФ имеет красноречивое название «Административные правонарушения в промышленности, строительстве и энергетике».

Кроме того, за отдельные виды нарушений действующего российского законодательства об электроэнергетике установлена уголовная ответственность, что указывает на необходимость признания многих статей Общей части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) и некоторых статей Особенной части УК РФ юридическими нормами, выполняющими охранительную функцию в области энергетических правоотношений и потому имеющими прямое отношение к предмету энергетического права. В качестве примера таких правовых норм можно привести положения УК РФ о следующих видах преступлений:

- нарушение правил безопасности на объектах атомной энергетики (ст. 215 УК РФ);
- прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения (ст. 215.1 УК РФ);
- приведение в негодность объектов жизнеобеспечения (в части объектов энергетики) (ст. 215.2 УК РФ);
- нарушение требований обеспечения безопасности и антитеррористической защищенности объектов топливно-энергетического комплекса (ст. 217.1 УК РФ) и др.

При этом в положениях Общей части УК РФ (ст. ст. 1, 3, 8 УК РФ) также содержатся императивные требования в части недопустимости установления оснований и мер уголовной ответственности какими-либо иными федеральными законами или другими источниками российского права (включая законодательство об энергетике), что нисколько не умаляет значения УК РФ в области противодействия преступности в сфере энергетики и возможности включения соответствующих его норм в комплекс энергетического права.

Поскольку в статье 2 Федерального закона об электроэнергетике прямо говорится о множественности источников права, регулирующих общественные отношения в сфере электроэнергетики, и при этом указывается на открытый характер перечня таких источников (через включение в этот перечень «иных регулирующих отношения в сфере электроэнергетики федеральных законов»

и «иных нормативных правовых актов Российской Федерации, принимаемых в соответствии с указанными федеральными законами»), постольку можно с уверенностью утверждать, что сегодня на территории Российской Федерации существуют и действуют и другие нормативные правовые акты (наряду с упомянутыми выше), положения которых могут прямо или косвенно регулировать энергетические правоотношения либо защищать их от разного рода нарушений.

Вместе с тем проведенный анализ юридического закрепления соотношения норм Федерального закона об электроэнергетике с нормами ГК РФ и других актов законодательства Российской Федерации в силу закрепленного *de jure* принципа верховенства кодифицированных источников российского гражданского, административного, уголовного права в области правоотношений, составляющих предмет соответствующих отраслей права, и юридически зафиксированного вторичного положения Федерального закона об электроэнергетике по отношению к ГК РФ указывает нам на то, что в условиях наблюдаемой в наше время правовой реальности комплекс юридических норм, действующих в такой области энергетики, как электроэнергетика, может претендовать лишь на статус межотраслевого правового института и никак не соответствует представлению отечественной теории права об отрасли права.

Для подтверждения данного вывода представляется необходимым, следуя заявленному формально-юридическому методу, обратиться к соответствующим положениям иных федеральных законов, регулирующих общественные отношения в других областях российской энергетики, например, в области газоснабжения. В данной сфере энергетических правоотношений центральным источником права является Федеральный закон от 31 марта 1999 г. № 69-ФЗ «О газоснабжении в Российской Федерации» (далее – Федеральный закон о газоснабжении).

Федеральный закон о газоснабжении, согласно статье 1, «определяет правовые, экономические и организационные основы отношений в области газоснабжения в Российской Федерации», что позволяет считать указанные виды частноправовых и публично-правовых отношений предметом правового регулирования данного нормативного правового акта. Система источников права, действующих в данной области энергетики, законодательно установлена в статье 2 Федерального закона о газоснабжении, которая буквально гласит: «Законода-

тельное и нормативно-правовое регулирование газоснабжения в Российской Федерации основывается на Конституции Российской Федерации, Гражданском кодексе Российской Федерации, Жилищном кодексе Российской Федерации, Федеральном законе «О недрах», Федеральном законе «О естественных монополиях», Федеральном законе «О континентальном шельфе Российской Федерации» и состоит из настоящего Федерального закона, принимаемых в соответствии с ним федеральных законов, нормативных правовых актов Российской Федерации, нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и нормативных правовых актов муниципальных образований».

Сравнение содержания статьи 2 Федерального закона о газоснабжении со статьей 2 Федерального закона об электроэнергетике показывает, что нормы первого закона, в отличие от норм второго, поставлены российскими законодателями в подчиненное положение не только по отношению к Конституции Российской Федерации и ГК РФ, но и по отношению к нормам иных федеральных законов. Такое официально закрепленное место Федерального закона о газоснабжении в системе источников энергетического права тем более не позволяет нам говорить о признании комплекса юридических норм, действующих в различных областях энергетики, самостоятельной отраслью российского права, но не исключает наделения их статусом межотраслевого правового института. При этом комплексный (межотраслевой) характер норм энергетического законодательства, действующего в сфере газоснабжения, отчетливо проявляется в содержании процитированной выше статьи 2 Федерального закона о газоснабжении.

Для большей убедительности и наглядности обратимся еще к одному источнику энергетического права – Федеральному закону от 20 июня 1996 г. № 81-ФЗ «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности» (далее – Федеральный закон об угольной промышленности). Предмет правового регулирования зафиксирован в преамбуле к Федеральному закону об угольной промышленности, где говорится, что он «определяет основы государственной политики в области добычи (переработки) и использования угля (горючих сланцев), а также регулирует отношения, возникающие при осуществлении деятельности в этой области». Тогда как системе источников права, действующих в такой области энергетики, как угольная промышленность,

посвящена статья 2 Федерального закона об угольной промышленности, согласно которой «законодательство о государственном регулировании добычи (переработки) и использования угля (горючих сланцев), об особенностях социальной защиты работников организаций по добыче (переработке) угля (горючих сланцев) основывается на Конституции Российской Федерации, Гражданском кодексе Российской Федерации и состоит из настоящего Федерального закона и принимаемых в соответствии с ним законов и иных нормативных правовых актов Российской Федерации». Таким образом, и этот источник энергетического права закрепил подчиненное положение собственных юридических норм по отношению к нормам гражданского права, что дает дополнительные основания воспринимать нормы этого закона о хозяйственной деятельности в области угольной промышленности как составную часть гражданского законодательства, тогда как нормы закона, регулирующие отношения в области государственного управления данным сектором энергетики страны и в сфере социальной защиты работников угольной промышленности, выходят за пределы установленного статьей 2 ГК РФ предмета гражданского права и потому относятся к иным отраслям российского права (административного права, трудового права, права социального обеспечения и др.). Таким образом, и рассмотренные положения Федерального закона об угольной промышленности с формально-юридической точки зрения исключают возможность наделить существующий комплекс его норм во взаимосвязи с иными нормами энергетического законодательства статусом самостоятельной отрасли отечественного права, однако дают все основания рассматривать их как элемент соответствующего межотраслевого института права.

Наблюдаемое сегодня состояние и положение норм энергетического права вполне согласуется с представлениями отечественной теории права о сущности межотраслевого правового института, который, как и всякий институт права, характеризуется совокупностью таких признаков, как юридическое единство правовых норм, однородность фактического содержания, нормативная обособленность и полнота регулируемых отношений¹, суть которых состоит в следующем:

— юридическое единство правовых норм заключается в том, что нормы энергетического права действительно образуют целостный комплекс,

¹ Теория государства и права : учебник / под ред. В. Н. Жукова, Е. А. Фроловой. – М. : Проспект, 2024. – С. 314.

призванный не только установить стабильный правопорядок в области энергетики, но и обеспечить энергетическую безопасность всех заинтересованных субъектов; такое юридическое единство норм энергетического права детерминировано, на наш взгляд, необходимостью правового обеспечения технологического единства Единой энергетической системы страны и ее топливно-энергетического комплекса;

— однородность фактического содержания определяется тем, что энергетическое право предназначено для регулирования деятельности в области самостоятельного сектора экономики — энергетики;

— нормативная обособленность проявляется в том, что нормы энергетического права закреплены либо в отдельных нормативных правовых актах, либо в самостоятельных главах, параграфах и иных структурных компонентах нормативных правовых актов;

— полнота регулируемых отношений в рамках института энергетического права основана на целом спектре разнообразных юридических норм (дефинитивных, регулятивных, охранительных, коллизионных и др.), которые в комплексе позволяют обеспечить всесторонность и полноту регулирования правоотношений в области энергетики.

На основании изложенного можно заключить, что обращение к действующим редакциям Федеральных законов об электроэнергетике, газоснабжении и угольной промышленности, каждый

из которых является центральным источником норм права, регулирующих общественные отношения в конкретных областях российской энергетики, показало, что на данном этапе развития энергетического права его значение и положение в системе российского права, зафиксированное *de jure* в процитированных выше юридических нормах, однозначно не соответствует классическим теоретико-правовым представлениям о понятии и признаках отрасли права. Не случайно многие правоведы, выступающие за признание энергетического права именно отраслью, поддерживают идею кодификации его норм путем разработки и принятия Энергетического кодекса Российской Федерации [3. — С. 178–182]. Вполне возможно, что реализация такой инициативы в корне изменила бы текущую ситуацию. Однако в любом случае это зависит от того, как в таком кодексе в случае его принятия будет выстроена и описана российскими законодателями система источников энергетического права.

Таким образом, современное состояние энергетического права позволяет сделать вывод, что оно является межотраслевым правовым институтом, представляющим собой сложный комплекс юридических норм, регулирующих на основе сочетания диспозитивного и императивного методов правового регулирования особую сферу общественных отношений — деятельность в области энергетики.

Список литературы

1. Басов В. Н., Букалерева Л. А., Калинина А. Р. Развитие энергетического права как отрасли права в России // Синтез науки и образования как инструмент решения глобальных проблем современности : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Киров, 9 ноября 2025 г. — Стерлитамак : АМИ, 2025. — С. 119–123.
2. Вершинин А. П. Энергетическое право. — СПб. : Издательский Дом С.-Петербургского гос. ун-та, Изд-во юрид. фак-та СПбГУ, 2007.
3. Лахно П. Г. Энергетический кодекс Российской Федерации — основополагающий юридический документ, регулирующий отношения в ТЭК // Энергетическое право: сборник статей / под общей редакцией П. Г. Лахно. — М. : Юрист, 2008. — С. 178–182.
4. Селиверстов С. С. К вопросу о понятии энергетического права // Энергетическое право : сборник статей / под общей редакцией П. Г. Лахно. — М. : Юрист, 2008. — С. 266–280.
5. Энергетическое право: модели и тенденции развития : сборник материалов V Международной научно-практической конференции, Белгород, 24 ноября 2023 г. / под ред. А. В. Габова (отв. ред.), Е. Е. Тонкова, Р. Н. Шалайкина, М. С. Лизиковой. — Белгород : ЦПП ИД «БелГУ», НИУ «БелГУ», 2024.